

ДЕКАБРИСТ МИХАИЛ ОРЛОВ — КРИТИК «ИСТОРИИ» Н. М. КАРАМЗИНА

Публикация и комментарии Л. Я. Вильде

Вступительная статья М. В. Нечкиной

«История государства Российского» Н. М. Карамзина вышла в свет в феврале 1818 г. Она застала уже завязавшийся бой между старой и молодой Россией. Тайное общество декабристов к этому времени прошло двухлетний путь развития, успело исчерпать Союз Спасения и находилось в разгаре формирования новой организации — Союза Благоденствия. Уже составлялся новый устав Общества «Зеленая книга», уже была написана пушкинская ода «Вольность», уже Грибоедов задумал «Горе от ума». Стало быть, «История государства Российского», — труд по концепции своей реакционный и «охранительный», — обсуждалась в те годы, когда формировались два враждебных лагеря, ставших друг против друга, — декабристский лагерь молодой России и лагерь крепостнической реакции, в котором роль идеолога играл придворный историограф и автор «Записки о древней и новой России» — Н. М. Карамзин.

«История» Карамзина и сама послужила силой, выявившей столкновение, углубившей размежевание. Драгоценным свидетельством об этом мы обязаны Пушкину. Он оказался живым свидетелем и участником идейной борьбы старого с новым в русской историографии. На заре русского революционного движения молодой лагерь новаторов восстал против «охранительной» концепции Карамзина, направленной к прославлению самодержавия. «Молодые якобинцы негодовали, — писал Пушкин, — несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения»¹. Мы не располагаем, разумеется, всей полнотой свидетельств об этих спорах, драгоценных для русской историографии. В печать они, по политическим соображениям, и не могли проникнуть: опровергая официальную правительственную концепцию «благости» самодержавия для народа, свидетельства эти являлись тем нелегальным и опасным материалом, которому было заказано переступить порог печатного слова. Даже доверить свои возражения бумаге было далеко не безопасно, и декабрист Никита Муравьев, все же сделавший это, проявил несомненную смелость. Лишь отдельные отголоски этих споров доходят до нас из глубины времен.

Члены Тайного общества Никита Муравьев и Михаил Орлов в своем протесте против Карамзина представляют декабристскую организацию в момент выхода его «Истории» в свет; будущие декабристы — А. О. Корнилович и Г. С. Батеньков — не остаются безучастными к критике появившегося реакционного труда. Их сомнения идут по той же линии, и Карамзин не вызывает их восторга, не принят ими. С 1822 г. «Северный архив» начинает печатать обстоятельную критику на Карамзина, принадлежащую выдающемуся польскому историку Лелевелю. «В завтрашней книжке сего журнала увидите продолжение критики на Карамзина, — пишет Корнилович историку П. М. Строеву. — Каково принята сия критика вашими господами литераторами? Здесь все более или менее отдают ей справедливость. С первых книжек будущего года начнется разбор всех девяти частей отдельно. Тут-то пойдет передрыга»². В этой «передрыге» Корнилович симпатизировал явно не Карамзину. Батеньков даже в сибирском изгнании возвратился к вопросу о Карамзине и в отрывке «Нечто об истории» заметил: «Карамзин написал двенадцать томов. Может быть в них не много истории...». Скептическая мысль была аргументирована существен-

ным соображением, — Батеньков сомневался, что цари управляют ходом исторических событий³. Куда направлялась мысль старого декабриста, видно из предшествующих строк того же отрывка — Батеньков искал в истории своей родины не действий царей, а событий истории народа, решительных его выступлений (в этом свете чрезвычайно любопытны его соображения о событиях «смутного времени»: «...история его <русского народа> объемлет целую тысячу лет. Должны же быть в ней черты решительного свойства. Мы проведены через великое зло татарским порабождением, революцией 1604—1612 года, столкновением с Наполеоном...») ⁴.

Вспомнил о Карамзине и декабрист Каховский даже накануне казни в каземате Петропавловской крепости. Он мечтал о том, что Карамзину будет когда-либо противопоставлен историк другого направления, историк из народа, таящийся сейчас «в толпе народа», но сумеющий оценить злодеяния царей, строгий судия всего содеянного царями. Глубоко убежденный в том, что «с царями народам делать договоров невозможно», Каховский убежденно заявлял: «Исчез обряд судить народу умерших царей своих до их погребения. Но история предаст дела их на суд беспристрастного потомства. Не все историки подобны Карамзину, деяния века нашего заслуживают иметь своего летописца Тацита. Кто знает, может быть и есть он, но таится в толпе народа, работая для веков и потомства. Он возвестит нам истину, — и благословение и проклятия потомков обнаружат дела, поразят и украсят венценосцев» ⁵.

Эти отголоски критики Карамзина декабристами свидетельствуют о большом потоке когда-то звучавших критических рассуждений ⁶. Не все дошло до нас, но из перечисленных свидетельств можно видеть, что «молодые якобинцы» не только протестовали против концепции Карамзина, но и выдвигали самостоятельное — передовое для того времени — понимание исторического процесса своей родины. Особенно ясно и подробно изложили это понимание Никита Муравьев и Михаил Орлов. Пушкин писал в упомянутом автобиографическом отрывке: «Ник<ита> Муравьев, молодой человек умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: предисловие!» (действительно, «Истории государства Российского» предпослано предисловие, а не введение⁷). Затем в наброске Пушкина упоминается другое декабристское имя: «Мих<аил> Орл<ов>» в письме к Вяз<емскому> пенял Карамз<ину>, зачем в начале Истории не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян*, т. е. требовал романа в Истории — ново и смело!». Так, еще один декабрист — Михаил Орлов — назван в качестве участника этого значительного идейного столкновения.

Михаил Орлов, принадлежавший к старшему поколению декабристов, видный участник Отечественной войны 1812 года, кавалергард в начале военных действий, участвовал в Смоленском сражении и в Бородинской битве, ушел в тыл врага предводителем партизанского отряда, пробился на соединение с армией Чичагова в Березинской операции, активно участвуя в последних ударах знаменитого кутузовского контрнаступления и, наконец, — как значится в его служебном формуляре, — «соединился с Молдавской армией во время нападения французов на онугу» ⁸. Герой 1812 года, он прогремел и в заграничных походах, подписав в 1814 г. акт о капитуляции Парижа. В том же году он основал первое тайное политическое общество — Орден русских рыцарей, имевшее целью нанести удар российскому самодержавию. Повидимому, в 1817 г. Общество Орлова встретилось с другим, с Союзом Спасения, основанным в 1816 г., и обсуждало вопрос о взаимодействии или слиянии⁹. Более сильная тайная организация в основном включила в себя встретившуюся новую силу, и в 1818 г. мы видим Михаила Орлова деятельным участником Союза Благоденствия. Он полон широких агитационных замыслов, насаждает ланкастерские школы, пропагандирует в армии свободулюбие и права человека. К этому времени и относятся получившие широкую гласность его письма против «Истории» Карамзина. После восстания декабристов Михаил Орлов провел несколько тяжелых месяцев в Петропавловской крепости. «Прощенный» Николаем I во имя «заслуг» его брата, Алексея Орлова, преданного Николаю человека и активного участника подавления восстания, он был уволен со службы и выслан с фельдъегерем в калужское имение.

М. Ф. ОРЛОВ

Портрет маслом Г. Ризенера, 1814 г.

Литературный музей, Москва

В изложении Пушкина позиция Михаила Орлова в споре с Карамзиным не совсем ясна. Новонайденные документы в значительной мере раскрывают и конкретизируют эту литературно-политическую дискуссию.

Письма Михаила Орлова были не без умысла направлены П. А. Вяземскому: родственно и дружески связанный с Карамзиным Вяземский мог подробно передать историографу мнение Орлова и сообщить последнему его соображения. Очевидно, Орлов и рассчитывал на это.

Первое из найденных писем Орлова к Вяземскому, датированное 4 мая 1818 г. и посланное из Киева, сравнительно кратко излагает мнение Орлова о Карамзине. Второе письмо на ту же тему написано ровно через два месяца — 4 июля 1818 г. (также из Киева). Оно гораздо более пространно освещает вопрос, поскольку Вяземский неправильно понял мнение Орлова, изложенное в первом письме, и Орлов излагает его вторично.

В пушкинской записи слова из письма Михаила Орлова подчеркнуты (подчеркивание имело в пушкинских текстах, как и в прочих текстах того времени, функцию кавычек). Пушкин, таким образом, на память цитировал слова Орлова. Располагая теперь подлинником письма Орлова и сопоставляя строки Пушкина с текстом Орлова, мы находим во втором письме соответствующее место. Указав на ряд значительных событий древней русской истории, говорящих о величии России, Орлов писал: «... или сие есть историческое чудо, или должно было оно объяснить единственным средством, представленным писателю, то есть *блестящею и вероятно гипотезою прежнего нашего величия*». У Пушкина же значится: «Мих(аил) Орл(ов) в письме к Вяз(емскому) пенял Карамз(ину), зачем в начале Истории не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян*». Тут точно совпадают центральное понятие «гипотеза» и его эпитет «блестящая». Однако конкретный предмет, о котором идет речь, не уловлен в цитате Пушкина. Орлов в данном контексте вовсе не ведет речи о «происхождении славян», он говорит о другом — о несомненном развитии ранней дорюриковской русской государственности, о наличии каких-то важных событий в истории древней Руси еще до призвания князей, — событий, которыми только и можно объяснить последующее — после Рюрика — величие и значение Киевской Руси. У Орлова выражение «величие России» имеет совершенно точный конкретный смысл — общественное и государственное развитие древней Руси в дорюриковские времена. Это развитие делает закономерными последующие исторические этапы. Такое понимание устанавливается анализом текста обоих писем. Вяземский же в пылу своей полемики с Орловым произвольно подменил орловский термин «величие» славян со всем его вполне законным конкретно-историческим содержанием — понятием «божественного», легендарного «происхождения» славян. Между тем, вопроса о славянском происхождении Орлов касается лишь мельком, он почти не занят им — он занят темой закономерных этапов развития дорюриковской Руси и варяжским вопросом. Если Орлов говорит о легенде божественного происхождения *не* славян, а Ромула в рассказе Тита Ливия, то лишь для того, чтобы похвалить римского историка за высоту гражданских чувств, которые тот, как умел и мог, отразил в своем историческом труде.

Всего этого не понял или не захотел понять Вяземский. Полемизируя с Орловым, он подменил одно понятие другим и несправедливо упрекал своего корреспондента в том, что он требует от Карамзина «басен», которые льстили бы «родословному чванству» русского народа.

Трудно допустить, что Пушкин не вчитался в письмо Орлова и допустил ту же подмену, что и Вяземский, заменив данную декабристом сложную постановку вопроса тресбованием «блестящей гипотезы о происхождении славян». Сразу бросается в глаза, что Пушкин дал вольное переложение формулы Вяземского, а не письма Орлова. Вероятно, поэт не читал письма Орлова и знал его лишь в письменном пересказе Вяземского, в котором фигурировали и отдельные цитаты из орловского письма. В 1818 г. Вяземский был в Варшаве, а Пушкин в Петербурге. Поскольку Орлов в письме от 4 июля специально просил Вяземского «небыть щедрым в разглашении сего письма», которое написано только для него и с целью пояснить первое письмо, — трудно допустить, чтобы Вяземский все-таки стал, нарушая волю и доверие друга, копировать письмо для распространения

или разрешил это сделать кому-либо другому. Но условие Орлова допускало, конечно, упоминания и скромную цитацию в письме к ближайшим друзьям. А. И. Тургенев и Пушкин (через Тургенева или через письмо Вяземского) оказались осведомленными о мнении Орлова. Иначе никак нельзя объяснить неточную передачу Пушкиным слов Орлова об «Истории государства Российского». Мало правдоподобно другое объяснение, — что Пушкин невнимательно прочел письмо Орлова — особенно второе, прямо разъясняющее ошибку в понимании Вяземского, — не вник в содержание писем и поэтому неточно передал мысль декабриста. Это объяснение, как мне представляется, необходимо отвергнуть. В кишиневский период Пушкин непрерывно общался с Орловым, но в революционной обстановке южноевропейских восстаний, находясь почти рядом с восставшей Грецией, едва ли они возвращались к старому спору о Карамзине, уже отодвинутому событиями. Они, несомненно, обсуждали уже иные вопросы — кто будет русским Квиригою и насладится ли Россия счастьем, причастится ли «кровавой чаши» — революции.

Спор с концепцией Карамзина в конце десятых годов был острым и напряженным. «Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экз(емпляров) разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать Историю своего Отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моему выздоровлению, я снова явился в свете, толки были во всей силе...»¹⁰. Пушкин был болен в начале 1818 г. и выздоровел весной. Его выздоровлением и датируется время, когда толки были «во всей силе».

Михаил Орлов был глубоко прав, требуя правильного освещения тех этапов истории, которые протекли в дорюриковское время. Лишь они действительно могли объяснить зрелость последующих этапов: «...как может быть, чтобы Россия, существовавшая до Юрика без всякой политической связи, вдруг обратилась в одно целое государство и, удержавшись на равной степени величия от самого своего начала до наших времен, восторжествовало над междоусобиями князей...?» Орлов с основанием отвергал «сие историческое чудо» и требовал рационального объяснения. Он судил, по собственному признанию, «не так, как писатель, но как гражданин».

Беспристрастно оценивая эти суждения, мы видим, что в научном смысле они были неизмеримо выше беспомощных и реакционных вымыслов Карамзина о варягах, якобы создавших русскую государственность и вообще положивших начало истории России. Революционный патриот и гражданин Орлов стоял на пути к истине, ученый же муж и придворный историограф Карамзин уводил от нее читателя.

Замечательна и мысль Орлова о роли славянства в сокрушении «варварами» обветшавшей Римской империи. В этом участии молодых и свежих славянских сил в разрушении старого Орлов усматривал «начало» и «основание» истории новейших времен. «Мне казалось, — писал он, — что сия мысль должна была господствовать в составлении истории происхождения нашего, и служить, так сказать, связью с историей Европы и душою всего повествования». Он резко критикует источники Карамзина, если они недостаточно достоверны, то как же можно именно на них строить выводы о норманнах, якобы создавших русскую государственность, выводить из этих поколебленных в своей правильности данных ответственные выводы, унижающие русское патриотическое чувство своим явным несоответствием с действительностью? «Я надеялся найти в оной <«Истории» Карамзина> ключ всей новой европейской истории и истолкование тех ужасных набегов варваров, кои уничтожили Римскую империю и преобразили вселенную, а не думал никогда, что история наша основана будет на вымыслах Иорнандеса, уничтоженных Пинкертоном, на польских преданиях, на ложном повествовании о Литве, на сказках исландских и на пристрастных рассказах греческих писателей». Действительно, Карамзин просмотрел и не мог не просмотреть эту огромную тему о роли славянства в сокрушении обветшавшего Рима. Он не видел тех закономерных и важных проблем в истории своей родины, которые поставил перед ним читатель-гражданин.

Все это, вместе взятое, било по «норманизму» Карамзина. Он был последователем и ярким пропагандистом глубоко ложной «варяжской» теории. Законно спросить, из каких корней выросла эта карамзинская концепция? Эта глубоко сословная и космополитическая по существу теория была — особенно в те годы — жизненно необходима дому Романовых, «рюриковичей» по официальной родословной. Норманская теория возникновения русского государства известна была и XVIII веку, но в начале XIX в. ее обновил и популяризировал именно Карамзин, давший ей несколько иной поворот и новый политический оттенок. Карамзин создавал свою концепцию уже после того, как французская революция и Радищев ознаменовали начало нового периода. Российское самодержавие спешило занять позицию утверждения особых условий развития России: пусть революция потрясает Западную Европу, — Россия по природе своей должна де остаться в стороне, ее не коснутся революционные события. Романовы имели кровную нужду в обновлении и широкой пропаганде этой концепции в беспокойные годы после Отечественной войны, когда почва под их тронам заколебалась. Крепостной русский народ все настойчивее требовал освобождения, напоминая о своих подвигах в Отечественной войне: «Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа», — говорили вернувшиеся с войны ополченцы. Крестьянские волнения упорно возрастали. Было беспокойно и в военных поселениях. Крестьяне, переводимые на положение военных поселян, год от года волновались все сильнее. 1818 год и в Европе был крайне беспокойным годом кануна европейской революционной ситуации. В этой обстановке было нужно в понятной форме разъяснять народу, что рюриковичи-Романовы правят Россией на совершенно особых основаниях. Они ничуть не похожи на свергаемых революцией деспотов: они не деспоты — их добровольно и по-хорошему пригласил на власть сам народ, разочаровавшийся в «правлении народном». Призвание варягов должно было убедительно засвидетельствовать особый — добровольный — характер давнего сговора между русским народом и его властителями. Необходимо было уверить в этом не только дворянина, но главного вернувшихся с войны ополченцев, ждавших воли в качестве царской награды, и лавочных сидельцев, читавших газеты в торговом ряду, и крестьянина, спрашивавшего, можно ли на Бородинском поле барские кости отличить от крестьянских. Поэтому-то Карамзин писал свою «Историю», по собственному признанию «для русских, для купцов-ростовских, для владельцев калмыцких, для крестьян Шереметева». Такова была поставленная им цель. Отсюда — убежденный тон повествования его IV главы, названной «Рюрик, Синеус и Трувор»: «Начало российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов.. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи); в России оно утвердилось с общего согласия граждан, — так повествует наш Летописец, — и рассеянные племена славянские основали государство...»¹¹. Отсюда следовал вывод: «Отечество наше слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летоисчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению монархической власти»¹².

Защита «норманской теории» имела место и раньше, но разве тяжелые и непопулярные периоды Щербатова, Байера или Миллера могли сравниться с приятным слогом легкого карамзинского пера? Он призывал к чтению гораздо более широкий круг читателей, даже ростовских купцов и шереметевских крестьян, которых необходимо было уверить в законности российского самодержавия.

Таким образом, Михаил Орлов, борясь против ложной норманской концепции Карамзина, боролся против самодержавия. Он дерзкой рукой колебал идеологический «устой», которым рюриковичи охотно подперли трон Романовых в тревожные послевоенные годы. Начинаясь кризис феодально-крепостной системы, нарастала волна народного недовольства, усиливалось политическое брожение. Нужно было укреплять трон, заботиться о сознательных сторонниках. Славяне спаслись самодержавием, сами призвали князей, добровольно отказались от древнего «народного правления». «Возлюбим же спасительное самодержавие», — призывал Карамзин. С самодержавия-де и началось истинное государственное существование России. —

Нет, — возражал декабрист, — истинное начало русской истории — именно в народном правлении, которое древнее и рюриковичей и Рюрика, именно оно в своем историческом развитии обосновало последующую славу России и без него ничего нельзя понять в этой последующей славе.

Ища опоры своим справедливым сомнениям в норманской теории, Орлов пошел по своеобразному пути: он смело предположил *славянское* происхождение Рюрика, Синеуса и Трувора. Орлов не был первым предложившим такое решение, — ранее Михаила Орлова то же самое предлагал Ломоносов. Он кратко изложил свое мнение в «Древней Российской истории от начала Российского народа» (1766)¹³ и гораздо подробнее в других своих исторических сочинениях, например, в «Замечаниях на диссертацию Г.-Ф. Миллера „Происхождение имени и народа российского“»¹⁴. Ломоносов

ДОМ НА МАЛОЙ ДМИТРОВКЕ (ТЕПЕРЬ УЛИЦА ЧЕХОВА, № 12) В МОСКВЕ. ГДЕ С 1831 ПО 1839 г. ЖИЛ М.Ф. ОРЛОВ

Фотография 1950 г.

Литературный музей, Москва

был страстным противником норманской теории, и мысль Орлова в разбираемом частном вопросе шла по тому же пути, что и рассуждение Ломоносова. Последний писал, сражаясь с норманистами Миллером и Байером: «Против всех сих неосновательных бейеро-миллеровских догадок имею я облак свидетелей, которые показывают, что варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили от древних роксолан или россов и были отнюд не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною»¹⁵. Таково было мнение Ломоносова. Таким образом, в этом вопросе аргументация Орлова идет в одном ряду с доводами Ломоносова.

Однако не этот частный аргумент стоит в центре внимания Орлова, а вопрос о последовательном развитии древней Руси, ранее Рюрика прошедшей существенные этапы своего развития, которые подготовили и обосновали ее последующее величие.

Вяземский, вольно или невольно подменявший в полемике с Орловым его основной вопрос другим, упрекал Орлова в том, что он якобы сердится на Карамзина за то, что тот не написал «басни», лестной для «родословного чванства» народа русского. Орлов с достоинством возражал, что он мог бы, сообразуясь с особенностями времени,

похвалить Тита Ливия за внимание к легендам о божественном происхождении Ромула, но, говоря об истории России, он, разумеется, говорил отнюдь не о «баснях»: «Я, сообразуясь со временем нашим, не искал, конечно, в Карамзине какого-нибудь нелепого повествования о божественном порождении России». Орлов законно требовал ясного рационального объяснения непреложного факта — «древнего величия» России, которое не мог объяснить Карамзин с его ложной апологетической схемой о добровольном призвании Русью на царство Рюрика, родоначальника романовской династии.

Через ложную схему Карамзина отчетливо просвечивал сухой космополитизм, без колебаний заменивший историю русского народа историей иноземной династии. Негодование передового убежденного патриота слышится в вопросах, брошенных Орловым Карамзину в первом же письме: «Зачем же он в классической книге своей не оказывает того пристрастия к отечеству, которое в других прославляет? Зачем хочет быть беспристрастным космополитом, а не гражданином? Зачем ищет одну сухую истину преданий, а не приклонит все предания к бывшему величию нашего Отечества»¹⁶.

Декабристы горячо любили свою родину. Михаил Орлов, от лица членов Тайного общества, выразил совершенно правильную точку зрения, что «издание истории Российского государства есть дело отечественное...». Вот поэтому, движимые «священной любовью к отечеству», декабристы и пошли в бой против реакционной концепции «Истории» Карамзина.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ П у ш к и н, т. XII, стр. 305—306, ср. 428.

² Письма разных лиц к П. М. Строеву. — ЛБ. М. 2249, лл. 139—140 (неизд.). — В «Северном архиве» в 1822—1824 гг. печаталось «Рассмотрение Истории государства Российского г. Карамзина г. Лелевелем». Лелевель развернул детальную критику «Истории» Карамзина, указывая на неаргументированность многих его утверждений, о чем и упоминает Корнилович в цитированном письме к Строеву. Принципиальная общая часть не могла по условиям царской цензуры быть рассмотрена Лелевелем, и он заполнил ее главным образом сопоставлением Карамзина с польским историком Адамом-Станиславом Нарушевичем, автором работы «*Historia narodu polskiego od początku chrześcijaństwa*» (Варшава, 1780—1786). Нарушевич был врагом сословного деления и сословных привилегий, но отстаивал умеренно-либеральную программу. Сопоставление Карамзина с Нарушевичем давало Лелевелю возможность скрытого выражения своих политических симпатий и критики апологетической концепции самодержавия Карамзина.

³ См. Т. Г. Снытко. Г. С. Батеньков — литератор. — «Лит. наследство», т. 60.

⁴ Г. С. Батеньков. Заметки по вопросам истории и истории культуры (разрозненные листы). — ЛБ. М. 7033, Бат. № 5, № 16, 1847—1863.

⁵ Письмо П. Г. Каховского из крепости. — «Из писем и показаний декабристов». Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 13, 18.

⁶ Сохранилось письмо декабриста Н. И. Тургенева к издателю журнала «Северный архив» по поводу «Замечаний на Историю государства Российского Н. М. Карамзина», переведенных из «Геттингенских ученых ведомостей» (ЦГИА, ф. № 1094, оп. 2, ед. хр. 37). Письмо Тургенева написано в защиту геттингенских профессоров, но не содержит характеристики «Истории» Карамзина и критических о ней замечаний. Статья «Взгляд на историю Российского государства г. Карамзина (из „Геттингенских ученых ведомостей“)» была помещена в «Северном архиве», 1822, № 24 (22 августа; очевидно, письмо Тургенева написано вскоре после этой даты).

⁷ Ср. Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, стр. IX.

⁸ ЦГИА, ф. № 48, д. 83 (Орлова). Служебный формуляр, включенный в дело.

⁹ М. В. Нечкина. Союз Спасения. — «Исторические записки», т. 23, 1947, стр. 137—184.

¹⁰ П у ш к и н, т. XII, стр. 305.

¹¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, стр. 112.

¹² Там же, стр. 113.

¹³ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. VI. М.—Л., 1952, стр. 215—217.

¹⁴ Там же, стр. 19—22.

¹⁵ Там же, стр. 33.

¹⁶ Прямое упоминание Орлова о космополитизме также непосредственным образом связано с текстом в «Истории» Карамзина — ср., например, такие тирады последнего: «Истинный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии» и т. д. (т. I, стр. XI, «Предисловие»).

М. Ф. ОРЛОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<4>

<Киев. 4 мая 1818 г.>¹

Великий Асмодей! ² кроме тебя и Амура, никаким чертям я не поклоняюсь; да и между вами, ты переживешь, вероятно, его в сердце моем. Я долго ленился к тебе писать единственно оттого, что много о тебе говорил с дьяволом Денисом и бешеным псом Толстым. Они здесь — были на контрактах. Толстой уехал в Москву, к цыганкам в гости, а Денис вслед за мною сделался начальником штаба 7-го корпуса³. Он скоро из Каменца Подольского переходит в Липовец или Умань и тогда будет от меня только в 200-х верстах. Слава и честь тем, кои в пользу моих увеселений сделали новое расположение квартир для Второй армии.

Судьба, любезный Асмодей, не покровительствует нашему Арзамасу. Мы, как жида, рассеянные по лицу света, сохраняем в молчании и терпении веру отцов наших, между тем как толпа невежд, под предводительством Мешкова и других, осаждает отсюда архив словесности. Исчезла надежда моя, и я горько оплакиваю усопшие наши собрания. Посреди невинных шуток и остроумных забав часто являлась величественная польза, и я уверен, что ежели бы мы жили все вместе, то все мои желания скоро бы сбылись, и дитя арзамасское переродилось бы в стройного и возмужалого человека. Сию надежду питаю еще во внутренности моего сердца, но не знаю, когда она сбудется ⁴.

Что сказать о Варшаве? Я читал речь государя, и принял с радостью душевную обету его для России. С сим словом отверзлись для него двери бессмертия, но венок лишь только тогда ему достичь от потомства, когда рука его водворит у нас закон и конституцию. Тогда провозглашу его великим, а Россию счастливой.

Я читал Карамзина. Первый том мне не пришелся по сердцу. Он сам в предисловии говорит, что пленительнейшая черта римских историков есть то, что на каждом шагу видим в них римских граждан во всей силе сего слова. Зачем же он в классической книге своей не оказывает того пристрастия к Отечеству, которое в других прославляет? Зачем хочет быть беспристрастным космополитом, а не гражданином? Зачем ищет одну сухую истину преданий, а не приклонит все предания к бывшему величию нашего Отечества? Зачем говорит, что Рюрик был иноземец? Что варяги не были славянами? * Что находит он похвального в призвании иностранца на престол Новгородский? Что лестного в том, что Олег ходил по России, с варяжскими войсками, собирать дань для варягов?

Прости, любезный друг, мое рассуждение. Ты знаешь, как я почитаю Карамзина, но первый том его Истории не соответствует моему ожиданию. Тит Ливий сохранил предание о божественном происхождении Ромула, Карамзину должно было сохранить таковое же о величии древних славян и россов.

В газетах варшавских, «*Dodatuk Drugi*» do [№] 29 — помещена статья о подписке на действие сейма по-французски. Сделай одолжение, подпишись за меня и перешли мне и на предбудущее время. Что стоит будет — отпиши.

Княгине Вере Федоровне Асмодеевой мой низжайший поклон. Машу поцелуй от меня в лоб⁵. Прощай, любезный друг, пиши ко мне и люби меня. Я ждал тебя в Киев, но увя!..

Михаил Орлов

Сего 4-го мая 1818-го года.

Киев.

* Ни то, ни другое не доказано. — *Прим. Орлова.*

ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195), ед. хр. 2480, лл. 1—2.

¹ М. Ф. Орлов в 1818 г. жил в Киеве, где был начальником штаба 4-го пехотного корпуса, которым командовал Н. Н. Раевский. В это время Орлов пытался осуществить на практике установки Союза Благоденствия о народном образовании и просвещении. Он занимался организацией школ взаимного обучения по методу Ланкастера для солдат, их детей и кантонистов. Его деятельность в этом направлении была широко известна.

4 мая 1818 г. Орлов отправил Вяземскому в Варшаву первое из своих писем, часть которого посвящена разбору «Истории государства Российского» Карамзина. Мы не знаем ответа Вяземского; повидимому, он не сохранился. Но известно, что Вяземский записал в своей «Старой записной книжке»: «Умный и образованный Михаил Орлов был тоже недоволен трудом Карамзина; патриотизм его страдал ввиду прозаического и мешанского происхождения русского народа, которое выводил историк» (П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. VIII. СПб., 1883, стр. 384).

² А с м о д е й — арзамасское прозвище Вяземского.

³ Очевидно, Денис Васильевич Давыдов (1784—1839) и Федор Иванович Толстой-Американец (1782—1846).

⁴ В этих строках Орлов намекает на свое стремление преобразовать «Арзамас». Он стремился из чисто литературного общества создать политическую организацию, повернуть «Арзамас» к серьезной общественной деятельности, связанной с «распространением идей свободы, приличных России в ее теперешнем положении». В этом духе Орлов и выступал на собраниях «Арзамаса» вместе с Никитой Муравьевым и Николаем Тургеневым (ср. Д р у ж и н и н, стр. 96—97). — М е ш к о в — очевидно шутовское наименование А. С. Шишкова.

⁵ В. Ф. Вяземская (1790—1886) — жена П. А. Вяземского. Маша — их дочь (1813—1849), с 1836 г. — Валуева.

⟨2⟩

Киев. 4 июля 1818 г.

Твое письмо, любезный Асмодей, я получил. Сожалею, что ты меня не понял. Я критик не по познаниям, но по сердцу, и сужу о сочинениях не так, как писатель, но как гражданин. Издание истории Российского государства есть дело отечественное и потому, читав ее со вниманием, разбираю с строгостью. Прощу тебя не быть щедрым в разглашении сего письма ¹, ибо я его диктую единственно для того, чтобы ты мог увериться, что первое мое суждение не было столь легкомысленным, как оно тебе показаться могло. По свойственному мне чистосердечию, я выбрал тебя посредником между мною и Карамзиным. Ты ему друг и знаешь, сколь я истинно почитаю его качества и дарования. Не имея никакой причины оскорблять самолюбие Николая Михайловича, я хочу только показать здесь впечатление, произведенное на меня чтением его сочинения. Я в первом сем письме не распространю мнения моего далее первых двух томов, которые я со вниманием прочитал; ежели же такая переписка покажется тебе занимательною, то, по получении твоего ответа, могу продолжать разбор сего важного сочинения.

Я ждал Истории Карамзина, как евреи ждут Мессию; едва она вышла из печати, как принялся я за чтение оной с некоторым благоговением, готовый унизить собственный мой рассудок пред пятнадцатилетним трудом умного писателя. Воображение мое, воспаленное священной любовью к отечеству, искало в истории Российской, начертанной российским гражданином, не торжества словесности, но памятника славы нашей и благородного происхождения, не критического пояснения современных писателей, но родословную книгу нашего, до сих пор для меня еще не понятного древнего величия. Я надеялся найти в оной ключ всей новой европейской истории и истолкование тех ужасных набегов варваров, кои уничтожили римскую империю и преобразили вселенную, а не думал никогда, что история наша основана будет на вымыслах Иорндеса ², уничтоженных Пинкертоном ³, на польских преданиях, на ложном повествовании о Литве, на сказках исландских и на пристрастных рассказах греческих писателей. Я надеялся, что язык славянский откроет нам глаза на пред-

рассудки всех писателей средних веков, что он истолкует названия тех варварских племен, кои наводнили Европу, докажет единоплеменство оных и соделается, так сказать, началом и основанием истории новейших времен. Мне казалось, что сия мысль должна была господствовать в составлении истории происхождения нашего и служить, так сказать, связью с историей Европы и душою всего повествования.

И впрямь, ежели б основания нашего Отечества, сокрытые во тьме времен, не были бы велики, ежели б единство России и могущество оной не существовали бы или в самом деле, или, по крайней мере, в живейшей памяти предков наших 9-го столетия, ежели б Рюрик был иноплеменный призванец, и варяги его не были бы россиянами, то как можно вообразить, что едва он воцарился над чуждым народом, как уже утверждён был в царствовании, что долгое его владычество не было подвержено никаким беспокойствам, что Синав и Трувор также беспрекословно княжили в их уделах, что смерть Рюрика не воспретила младенцу Игорю воссесть твердо на престол, колеблемый непостоянством новгородцев, что едва Олег явился пред Киевом и Киев пал к его стопам, что едва Киев покорился, и Олег уже прибывает щит свой на вратах Царь-Града, что малолетство Игоря было спокойнее Людовика 14-го, что едва Россия явилась в истории и уже владычествовала от берегов Балтийского моря до стены Балканских гор, что едва вышли мы из варварства, и реки просвещения и обилия протекли в Отечестве нашем; наконец, как может быть, чтобы Россия, существовавшая до Рюрика без всякой политической связи, вдруг обратилась в одно целое государство и, удержавшись на равной степени величия от самого своего начала до наших времен, восторжествовало над междоусобиями князей и даже над самыми гонениями рока... И все вышеприведенные происшествия от Рюрика до Игоря совершились в полвека варварского столетия!!! или сие есть историческое чудо, или должно было оное объяснить единственным средством, представленным писателем, то есть блестящею и вероятною гипотезою прежнего нашего величия.

Вот в каком смысле писал я к тебе, любезный друг, что Тит Ливий, основав на отечественных баснях римскую историю, заслужил признательность сограждан. Я, соображаясь с временем нашим, не искал, конечно, в Карамзине какого-нибудь нелепого повествования о божественном порождении России, но желал и теперь желаю, чтобы нашелся человек, который, овладев, так сказать, рассказами всех современных историков, общим соображением преклонил насильственно все их повествования к одной и той же системе нашего древнего величия. Сомнения всякого рода я мог бы найти в чужестранных писателях, но Карамзину предоставлено было вырыть ученой рукой из недр древности угловой камень российского здания и показать на оном надпись славы нашей, начертанной временем. Сам суди, прав ли я или виноват. Вот, любезный Асмодей, письмо скорописанное, продиктованное в гневе на твои упреки. Но оно есть также залог дружбы, ибо кроме истинного приятеля я никому бы не хотел поверить мысли, коими почтенный мною Карамзин мог бы оскорбиться. Да зачем же он дает Киеву польское происхождение? Правда: это не простиительно в нынешних обстоятельствах, когда каждый россиянин должен с римским мужем заключать всякую речь свою сими словами: *Delenda est Carthago**.

Простираю к тебе влажные мои объятия.

Рейн⁴

ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195), ед. хр. 5083, альбом с автографами, т. II, лл. 59—60.

* Карфаген должен быть разрушен (лат.).

¹ До Орлова могли дойти сведения о том, что Вяземский не скрывает его мнения об «Истории» Карамзина, давая ему не совсем точное освещение. Поэтому Орлов просит не разглашать содержания второго письма.

Слухи о том, что Орлов недоволен «Историей» Карамзина, быстро распространились в литературных кругах. В 1819 г. в январском, февральском и мартовском номерах (№№ 2—6) «Вестника Европы» появилась анонимная критическая статья (приписывавшаяся позднее М. Т. Каченовскому) на продолжение «Истории государства Российского», под названием: «От киевского жителя к его другу».

По этому поводу А. И. Тургенев писал Вяземскому в Варшаву 19 февраля 1819 г.: «... в Москве приписывают эту рецензию молодому генералу, разумея М. Орлова, вероятно потому только, что письмо из Киева» («Ост. архив», т. I, стр. 192). Вяземский в ответном письме от 1 марта 1819 г. просил прислать ему эти номера «Вестника Европы» и уверял, что «если в критике есть шутки, оскорбительные для Карамзина, или даже замечания, предлагаемые без уважения к лицу автора, то сердцем клянусь, что они не Орлова» (там же, стр. 197).

Можно с уверенностью сказать, что рецензия на продолжение «Истории» Карамзина написана не Михаилом Орловым. Ни одно из положений этой статьи не совпадает с точкой зрения Орлова, высказанной им в вышеприведенных письмах, а порой и противоречит ей.

Однако Орлов был несогласен со многими концепциями Карамзина, видимо не скрывая этого. Так, 29 октября 1819 г. А. И. Тургенев снова писал Вяземскому в Варшаву: «... Я и Сергею Волконскому не прощаю, что он приводит из Орлова фразы об „Истории“ Карамзина, в которых и автору оных трудно отдать отчет, по крайней мере понятный» (там же, т. I, стр. 339).

Очевидно, А. И. Тургенев от самого Волконского слышал о критических замечаниях Орлова на «Историю» Карамзина. Может быть, он даже видел у Волконского копии с писем Орлова и Вяземского. Подтверждение этому мы находим в письме Вяземского к А. И. Тургеневу от начала ноября 1819 г.: «Где ты читал мое письмо к Орлову? Что и где приводит Волконский слова Орлова о Карамзине? Разве Волконский что-нибудь написал? Вот здесь Орлова выдают живьем. Он сердится на Карамзина за то, что он вместо „Истории“ не написал басни, лестной родословному чванству народа русского. Я с ним воевал за это и верно не ласкал его» (там же, стр. 347).

² И о р н а н д е с (правильнее Иорданус) — историк готов (род. около 500 г.; год смерти не установлен).

³ Джон П и н к е р т о н — шотландский историк (1758—1826), критиковавший Иорндеса (см. его работу «A Dissertation on the Origin and Progress of the Scythians or Goths»).

⁴ Р е й н — арзамасское прозвище М. Ф. Орлова.